

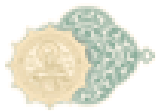

Учено-литературная дѣятельность покойнаго профессора Кіевской духовной Академіи С. М. Сольскаго.

Въ своемъ обзорѣниі учено-литературной дѣятельности покойнаго профессора нашей Академіи мы будемъ имѣть въ виду только наиболѣе важные его труды, изъ которыхъ большинство напечатано было въ нашемъ академическомъ журналѣ.

Первою научною работою С. М. Сольскаго была его статья „*Краткій очеркъ исторіи свящ. библіологіи и экзегетики*“, помѣщенная въ Трудахъ Академіи за 1866 ¹⁾). Очеркъ начинается съ мужей Апостольскихъ и доведенъ до новѣйшаго времени, заканчиваясь характеристикю наиболѣе видныхъ католическихъ и протестантскихъ работъ въ области библіологіи и экзегетики. Особенное вниманіе въ немъ обращено на исторію толкованія священныхъ книгъ, и съ этой стороны очеркъ является весьма полезнымъ и въ настоящее время; въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ онъ составленъ преимущественно на основаніи извѣстнаго труда Розенмюллера. Въ очеркѣ дана краткая, но совершенно вѣрная характеристика отцевъ-экзегетовъ школы Кесарійской, Эдесской, Антиохійской, равно западныхъ экзегетовъ; какъ и естественно ожидать, особенное вниманіе обращено на ис-

¹⁾ Труды Кіевскоіи духовной Академіи 1866, кн. 10, стр. 157—190; кн. 11, стр. 305—342; кн. 12, стр. 466—506.

толковательные труды св. Иоанна Златоуста, бл. Феодорита, Писидора Пелусиота, изъ западныхъ—бл. Августина и Иеронима. Весь очеркъ отличается замѣчательною ясностью и отчетливостью. Встрѣчаются въ немъ весьма дѣльные замѣчания по исторіи новозавѣтнаго канона и новозавѣтнаго текста. Такъ, на вопросъ, почему въ писаніяхъ мужей Апостольскихъ—св. Климента Римскаго, Варнавы, Эрма не находимъ цитаціи новозавѣтныхъ книгъ, тогда какъ Ветхій Заветъ цитруется въ нихъ часто, съ точнымъ обозначеніемъ имени писателя, дается такой отвѣтъ. „Ближайшимъ Апостольскимъ мужамъ, писавшимъ наставленіе для христіанъ, не было нужды ссылаться на письменное ученіе Апостоловъ, совершенно извѣстное ихъ современникамъ. Имъ нужно было раскрыть и уяснить это ученіе, живое въ устахъ ихъ читателей; а для этого самую лучшую почву были ветхозавѣтныя книги. На нихъ ссылался Іисусъ Христосъ; въ нихъ искали подтвержденія своего ученія Его ученики; примѣру ихъ слѣдовали ихъ ближайшіе послѣдователи. Такимъ образомъ, чтобы судить о близости писаній Апостольскихъ мужей къ писаніямъ самихъ Апостоловъ, нужно обращать вниманіе не столько на внѣшнюю зависимость ихъ отъ послѣднихъ, сколько на внутреннее направленіе, тонъ духъ и содержаніе ихъ писаній... О знакомствѣ Апостольскихъ мужей съ писаніями Апостоловъ можно заключать не по богатству дѣлаемыхъ ими выписей изъ посланій Апостольскихъ, въ чемъ пока не чувствовалось особенной потребности, а по ихъ языку, по нѣкоторымъ оборотамъ въ изложеніи и выраженіи истинъ христіанскаго вѣроученія, по общимъ мыслямъ въ тѣхъ и другихъ. Ближайшіе Апостольскіе мужи, слушая ученіе своихъ наставниковъ, читая ихъ писанія, могли освоиться съ извѣстными оборотами и выраженіями въ изложеніи ученія, могли привыкнуть къ извѣстнымъ образамъ и представленіямъ“ (стр. 164. 165).—О трудахъ Оригена по исправленію новозавѣтнаго текста ав-

торъ выражается весьма осторожно: „неизвѣстно, занимался ли Оригенъ... исправленіемъ новозавѣтнаго текста; судя по тому, что нѣкоторые списки съ подписью его имени были въ большомъ употребленіи и уваженіи, можно предполагать, что хотя критически онъ не свѣрялъ новозавѣтнаго текста, но старался достать лучшіе и исправнѣйшіе его списки“ (стр. 178. 179). О трудахъ въ данной области антиохійскаго пресвитера Лукіана пишетъ: „устроивъ здѣсь (т. е. въ Антиохіи) училище, сдѣлавшееся впослѣдствіи времени знаменитою антиохійскою школою, собравъ древніе библейскіе списки, онъ занялся пересмотромъ и исправленіемъ текста какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта“ (стр. 183). Это мнѣніе о работахъ Лукіана по исправленію текста и Н. Завѣта имѣетъ, впрочемъ, въ свою пользу много данныхъ, и въ послѣднее время его находимъ у видныхъ западныхъ изслѣдователей.

Продолжая свою работу, проф. С. М. Сольскій пишетъ въ своемъ родѣ краткій очеркъ свящ. библіологіи и экзегетики у насъ—въ Россіи. Разумѣемъ двѣ его статьи, помѣщенные въ „Православномъ Обзорѣніи“ за 1868 и 1869 г.: „Употребленіе и изученіе Библии въ Россіи“¹⁾ и „Обозрѣніе трудовъ по изученію Библии въ Россіи съ XV вѣка до настоящаго времени“²⁾. Обѣ статьи имѣютъ ближайшій современный интересъ; въ предисловіи къ первой авторъ говоритъ, что онъ изслѣдуетъ данный вопросъ „въ виду усиливающагося въ настоящее время изученія Библии, въ виду появившихся и появляющихся переводовъ Библии на отечественный языкъ“ (стр. 145. 146). Очеркъ „Употребленіе и изученіе Библии въ Россіи“ доведенъ до XV в.,

¹⁾ Православное Обзорѣніе, 1868, кн. 10, стр. 145—180; кн. 11, стр. 251—270.

²⁾ Православное Обзорѣніе, 1869, первое полугодіе, стр. 190—221; 538—577; 797—822.

подраздѣляясь на два отдѣла: періодъ до-монгольскій и послѣ-монгольскій. Изъ него ясно видно, съ какою любовью древне-русскій народъ всегда относился, съ первыхъ же временъ появленія христіанства на Руси, къ книгамъ Свящ. Писанія, какимъ могучимъ воспитательнымъ средствомъ была для него всегда Библія, въ какихъ формахъ выразилось его стремленіе ближе понять и уяснить смыслъ Писаній, какими истолковательными работами (толковые списки) онъ пользовался. „Не холодно и бездушно—говоритъ авторъ—онъ (т. е. русскій народъ) воспринялъ это дорогое наслѣдіе (Писанія), переданное ему греко-восточною церковью; не съ однимъ формальнымъ участіемъ онъ относился къ нему. Согласно духу православной греко-восточной церкви онъ старался сдѣлать его своимъ національнымъ достояніемъ, своимъ воспитательнымъ средствомъ. Лучшіе духовные и свѣтскіе ревнители объ его образованіи правили текстъ однѣхъ священныхъ книгъ, приспособляя ихъ къ его пониманію; для другихъ старались пріобрѣсть толковые списки; изъ третьихъ дѣлали извлеченія (сборники) для его домашняго назиданія. Одни изъ толковыхъ списковъ они заимствовали въ готовомъ видѣ; надъ переводомъ другихъ трудились книжные люди, воспитывавшіеся въ нашемъ отечествѣ“ (стр. 175). О происхожденіи многочисленныхъ вариантовъ въ нашихъ славянскихъ спискахъ авторъ хорошо замѣчаетъ, что они вызваны, по большей части, желаніемъ сдѣлать священный текстъ яснѣе, доступнѣе для пониманія, при чемъ это свободное отношеніе къ священному тексту не могло имѣть дурныхъ послѣдствій, ибо во главѣ правленія и списыванія священныхъ книгъ стояли образованные греческіе іерархи, равно образованные князья и лица къ нимъ приближенные.—Данному очерку предпосылаются весьма цѣнныя свѣдѣнія, какія библейскія книги дошли къ намъ въ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ (стр. 146—156), каково было внутреннее достоинство первого

славянскаго перевода (155—160), каково было нарѣчіе и письмо, на которомъ явились книги Свящ. Писанія въ переводѣ въ нашемъ отечествѣ (160—162). Источниками для автора, при составленіи даннаго очерка, служили, по его собственному указанію, слѣдующія сочиненія: а) Описаніе славянскихъ рукописей Московской синодальной бібліотеки, составленное А. Горскимъ и К. Невоструевымъ; б) Описаніе рукописей Румянцевскаго музеума, составленное А. Востоковымъ; в) Описанія монастырскихъ и другихъ бібліотекъ, помѣщенные въ „Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ“, въ „Чтеніяхъ при Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ Университетѣ“; д) изслѣдованія о харатейныхъ Евангеліяхъ и другихъ біблейскихъ спискахъ, помѣщенные въ названныхъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ и е) статьи г. Чистовича.

Во второй названной работѣ по бібліологіи и экзегетикѣ въ Россіи, составляющей непосредственное продолженіе первой, говорится о біблейскихъ спискахъ въ Россіи XV в. (Пятюкнижіе, правленное съ еврейскаго и переводъ книги „Эсфирь“ съ еврейскаго), о Геннадіевской Библии и ея спискахъ, о трудахъ Максима Грека и его учениковъ по толкованію Свящ. Писанія (переводъ толковой Псалтири, равно бесѣдъ св. Іоанна Златоуста на евангелія Матѳея и Марка). Объ Острожской Библии и предшествующихъ ей изданіяхъ. Объ Острожской Библии читаемъ. „Предпринятое и исполненное съ такимъ усердіемъ, Острожское изданіе Библии далеко не могло быть совершеннымъ. Вызванное потребностями времени и съ поспѣшностію совершаемое, оно могло удовлетворить только нуждамъ времени и было первымъ опытомъ печатнаго славянскаго текста въ нашемъ отечествѣ, который съ теченіемъ времени долженъ былъ совершенствоваться. Нужно было владѣть большимъ запасомъ свѣдѣній, какъ относящихся къ состоянію того славянскаго текста, который полагался въ основу печатнаго изданія, такъ и о

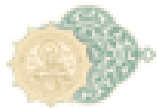

носившихся къ греческимъ спискамъ вновь привезеннымъ, и къ библейскимъ текстамъ, добытымъ въ другихъ странахъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ надлежащее приложеніе. Между тѣмъ благочестивый князь говоритъ въ предисловіи, что у него не было людей, достаточно подготовленныхъ къ исполненію начатаго дѣла, а одинъ изъ помощниковъ откровенно сознается: „азъ составихъ, елико возмогохъ умеленіемъ си смысла, ибо училища николиже видѣхъ“... Острожскіе издатели, согласно духу православной Церкви, старались возстановить переводъ греческаго текста, принятаго въ греко-восточной Церкви и одобреннаго всѣми важнѣйшими древними толковниками. Но они не могли этого достигнуть. Принятый ими въ основаніе списокъ библейскихъ книгъ, присланный великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ IV, въ составѣ своемъ уже заключалъ значительныя исправленія, пополненія и цѣлыя переводныя книги изъ Вульгаты“ (стр. 216. 219. 220).

Въ дальнѣйшемъ говорится о трудахъ Епифанія Славинецкаго по переводу отеческихъ толкованій на книги Свящ. Писанія, о перепечаткахъ, съ незначительными измѣненіями, при Алексѣѣ Михайловичѣ Острожской Библии, о приготовленіяхъ къ новому изданію Библии, начатыхъ подъ руководствомъ Епифанія Славинецкаго, которыя должны были прекратиться со смертію митрополита Павла и Епифанія Славинецкаго, о трудахъ по исправленію и истолкованію славянскаго текста въ царствованіе Петра 1, Екатерины, Елизаветы Петровны, Александра 1,—въ связи съ общими мѣрами, принимаемыми къ поднятію духовнаго просвѣщенія. Очеркъ доведенъ до послѣдняго времени; онъ составленъ весьма тщательно по документальнымъ даннымъ, при чемъ авторъ пользовался тѣми же источниками, что и при составленіи первой статьи. Съ особеннымъ интересомъ читаются страницы, гдѣ излагается исторія перевода Библии на русскій языкъ. О переводѣ Новаго Завѣта, сдѣланномъ въ

1821 г., авторъ говоритъ, что переводъ этотъ, „какъ первый опытъ, который съ теченіемъ времени долженъ былъ совершенствоваться, заслуживаетъ полное вниманіе и уваженіе“ (стр. 806); о переводѣ Новаго Завѣта въ 1860—1861 замѣчается: „текстъ новаго изданія... сталъ ближе къ греческому подлиннику и древне-славянскому переводу, но при всемъ томъ новоизданный текстъ все-таки еще не можетъ замѣнить древле-славянскаго перевода въ точномъ воспроизведеніи мысли греческаго текста“ (стр. 811). Въ очеркѣ не оцущенъ ни одинъ изъ важнѣйшихъ появившихся у насъ въ разсматриваемое время опытовъ по изъясненію Писанія; характеристика этихъ опытовъ дается краткая, но всегда вѣрная. Съ особенною похвалою авторъ отзывается о Запискахъ митрополита Филарета на книгу Бытія, о сочиненіи профессора нашей Академіи, прот. І. Скворцова: „Записки на посланіе къ Ефесеямъ“, о трудѣ Ѳ. Яковлева: „Апостолы—очеркъ жизни и ученія св. Апостола и евангелиста Іоанна Богослова въ Евангеліи, трехъ посланіяхъ и Апокалипсисѣ“, о трудѣ арх. Филарета: „Опытъ объясненія на посланіе Апостола Павла къ Галатамъ, 1862“. Съ прискорбіемъ отмѣчаетъ, что, не смотря на увеличившееся у насъ число работъ по изученію Св. Писанія, мы не имѣемъ еще „надлежащаго научнаго руководства“ къ изученію священныхъ книгъ, и заключаетъ свой очеркъ словами, которыя могутъ быть повторены и теперь: „для успѣшнаго хода занятій книгами Свящ. Писанія и самостоятельнаго развитія у насъ науки по Свящ. Писанію остается позаботиться объ изданіи въ исправномъ видѣ оригинальныхъ библейскихъ текстовъ—еврейскаго и греческаго и объ изданіи древнихъ и позднѣйшихъ (III—XII в.в.) толковниковъ, по крайней мѣрѣ восточной Церкви“ (стр. 822).

Сдѣлавши очеркъ священной библіологіи и экзегетики на западѣ и у насъ въ Россіи, покойный профессоръ непосредственно продолжаетъ свою работу по введенію въ свя-

ценныя книги, и въ 1870 и 1871 г. печатаетъ двѣ свои обширныя статьи подѣ заглавіемъ: „*Изъ чтеній по Ветхому Завету* ¹⁾“. Въ первой статьѣ, послѣ сообщенія краткихъ свѣдѣній о книгахъ Ветхаго Завета и опредѣленія науки, ими занимающейся, ея задачи, раздѣленія, отношенія къ другимъ богословскимъ наукамъ и очерка ея развитія, изложена исторія происхожденія ветхозавѣтныхъ книгъ, при чемъ особенное вниманіе обращено на уясненіе исторіи письменности у евреевъ и исторію еврейскаго языка; во второй статьѣ представлена довольно подробно исторія собранія ветхозавѣтныхъ книгъ въ одинъ священный кодексъ, или исторія ветхозавѣтнаго канона. Отмѣтимъ изъ этихъ статей только слѣдующее опредѣленіе такъ различно понимаемой сущности вдохновенія священныхъ писаній. „Богодуховенность священныхъ писателей состояла не въ томъ, что они были одними механическими, безсознательными орудіями говорившаго и дѣйствовавшаго чрезъ нихъ Духа Божія. Для того, чтобы говорить и дѣйствовать по внушенію Духа Божія, нужно было особое внутреннее расположеніе, особое духовное настроеніе,—способность понимать и усвоить внушеніе Духа Божія (1 Кор. II, 14. 15). Поэтому вдохновеніе было совокупнымъ дѣйствіемъ Духа божественнаго и человѣческаго, при которомъ духъ человѣческій не подавлялся, а возвышался, освящался и возводился къ высшему совершенству. Вдохновеніе было сознательнымъ, живымъ воплощеніемъ мысли и воли божественной въ мысль и волю человѣческую. При немъ божественная истина не механически, а жизненно усвоялась духомъ человѣческимъ, дѣлаясь его собственнымъ достояніемъ. Все божественное, при такомъ тѣсномъ общеніи духа человѣческаго и божественнаго, принимало образъ человѣческій, и все человѣческое возвышалось и освящалось боже-

¹⁾ Труды Кіевскоі духовноі Академіі 1870, кн. 9, стран. 589—640; 1871, кн. 7, стран. 71—117.

ственнымъ. Такъ понимаемая богодухновенность... не разрываетъ внутренней необходимой связи между мыслью и словомъ, между предметомъ откровенія и его внѣшнимъ изложеніемъ и выраженіемъ. Отъ совмѣстнаго дѣйствія Духа божественнаго и человѣческаго при вдохновеніи возникаетъ и божественное слово, какъ выраженіе и форма божественной мысли“ (Труды Кіевской духовной Академіи, 1870, стран. 627. 628). Болѣе точнаго изложенія обще принятаго почти церковнаго взгляда на богодухновенность нельзя представить.

Съ 1871 г. покойный Стефанъ Михайловичъ, очевидно, занявъ приготовленіемъ диссертациі на степень доктора богословія, которая, подъ заглавіемъ: „Сверхъ-естественный элементъ въ новозавѣтномъ откровеніи“, начинается печатаніемъ въ первой книгѣ Трудовъ Академіи за 1876 г. и оканчивается въ первой книгѣ того же журнала за 1877 г.¹⁾ Не имѣя возможности въ своей замѣткѣ входить въ анализъ этого труда, о которомъ въ свое время сдѣлали справедливый отзывъ официальные рецензенты (профессора А. А. Олесницкій и Г. В. Малеванскій), мы, для выясненія общаго характера его и направленія, скажемъ слѣдующее. Работа автора, по его собственнымъ словамъ, имѣетъ преимущественно апологетическій интересъ (см. предисловіе). Предметомъ изслѣдованія избранъ сверхъ-естественный элементъ въ новозавѣтномъ откровеніи съ цѣлью доказать сверхъ-естественный, божественный характеръ христіанства противъ тѣхъ, которые смотрятъ на него, какъ на обыкновенное, естественное явленіе. Что христіанство имѣетъ божественное происхожденіе, въ этомъ яснѣйшимъ образомъ можно убѣдиться изъ рассмотрѣнія двухъ основныхъ его элементовъ: во-пер-

¹⁾ Труды Кіевской духовной Академіи 1876, кн. 1, стран. 3—49; кн. 2, 203—221; кн. 5, 296—335; кн. 9, 443—499; кн. 12, 553—596; 1877, кн. 1, стр. 150—234; отдѣльный оттискъ: V+289.

выхъ, изъ разсмотрѣнія новозавѣтныхъ чудесъ, которыя суть особенныя, сверхъ-естественныя знаменія и не могутъ быть объясняемы какими нибудь психическими и физическими факторами; во-вторыхъ, изъ уясненія новозавѣтнаго ученія, представляющаго отраженіе божественнаго свѣта, а не являющагося, какъ многіе думаютъ, простою высшею формою естественнаго человѣческаго развитія. Такимъ образомъ, изслѣдованіе автора, которое иначе можетъ быть озаглавлено: „О божественности, или сверхъ-естественности христіанства“, распадается на двѣ части: 1) о новозавѣтныхъ чудесахъ и 2) о новозавѣтномъ ученіи—Христа Спасителя и Его учениковъ. Къ этимъ двумъ частямъ присоединяется, какъ пѣ-которымъ образомъ ихъ синтезъ, третья часть, гдѣ уясняется, какое дѣйствіе производили на современниковъ новозавѣтное чудо и новозавѣтное ученіе, вынаружившіяся совмѣстно въ общественномъ служеніи Христа Спасителя и Его ближайшихъ послѣдователей. Наиболѣе полною и раскрытою является первая часть сочиненія. Здѣсь прежде всего внимательно разсматриваются свидѣтельства о чудесныхъ событіяхъ и фактахъ, находимыя въ первомъ посланіи къ Фессалоникійцамъ, въ посланіи къ Галатамъ, первомъ посланіи къ Коринѳянамъ и отчасти въ посланіи къ Римлянамъ, и противъ отрицательной критики доказывается, что чудесность, о которой говоритъ ап. Павелъ, есть чудесность дѣйствительная, реальная, а не измышленная; свидѣтелями ея были цѣлыя христіанскія общины, видѣвшія среди себя живое откровеніе Духа Божія. Такъ какъ подлинность указанныхъ посланій ап. Павла признаютъ сами отрицательные критики, то они необходимо должны согласиться, что эта чудесность никакъ не принадлежитъ къ области позднѣйшихъ полу-сатаническихъ, полу-миоическихъ сказаній. Вся дальнѣйшая рѣчь автора направляется къ доказательству, что чудесность кн. Дѣяній Апостольскихъ и Евангелій ничѣмъ не отличается, по своему существу, отъ чудеснаго, сверхъ-естественнаго

элемента, находямаго въ посланіяхъ ап. Павла. Съ особенною подробностью защищается сверхъ-естественность обращенія ап. Павла и затѣмъ—въ порядкѣ плана работы—чудо воскресенія Христа Спасителя; эти отдѣлы принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ сочиненія. Все же вообще изслѣдованіе ясно свидѣтельствуетъ о богословско-философскомъ направленіи мысленія автора, силѣ и самостоятельности его сужденій и огромной начитанности; многія новозавѣтныя мѣста, особенно 1 Кор. 12 гл., изъяснены весьма обстоятельно.

Въ томъ же 1877, а затѣмъ 1878 г. покойный профессоръ начинаетъ печатаніемъ свою работу *„Изъ лекцій по Новому Завѣту“*¹⁾. Здѣсь обращаютъ прежде всего вниманіе соображенія о преподаваніи науки Свящ. Писанія въ семинаріяхъ и духовныхъ Академіяхъ. „Отведеніе—говоритъ авторъ—перваго мѣста каѳедрѣ Св. Писанія въ преобразованномъ семинарскомъ и академическомъ уставѣ вполнѣ цѣлесообразно. Основательное знаніе ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ Писаній должно быть первымъ источникомъ не только догматическаго, но и нравственнаго и обличительнаго богословія; въ нихъ даны зачатки для всѣхъ отраслей богословскаго знанія, и указывать имъ второстепенное мѣсто въ группѣ богословскихъ системъ значило бы отодвигать на задній планъ перво-источникъ истины. Можно было бы только пожелать, чтобы изученіе ветхозавѣтныхъ Писаній въ семинарскомъ курсѣ было передвинуто изъ низшихъ классовъ въ высшіе, такъ какъ одновременное научное знакомство съ тѣмъ и другимъ Завѣтомъ не вредитъ сущности дѣла, но научно-критическое знакомство съ Новымъ Завѣтомъ въ высшихъ классахъ²⁾ и популярно-экзегетическое изученіе Вет-

¹⁾ Труды Кіевской духовной Академіи 1877, т. 3-й, стран. 243—284; 1878, кн. 4, стран. 98—127.

²⁾ Въ объяснительной запискѣ къ программѣ преподаванія Св. Писанія Н. Завѣта, которую имѣетъ въ виду покойный про-

хаго въ низшихъ лишаетъ выгоды послѣдній предъ первымъ въ подготовкѣ къ основательному богословскому образованію. Можно было бы еще пожелать для болѣе основательнаго изученія книгъ Св. Писанія сдѣлать обязательнымъ занятіе для всѣхъ воспитанниковъ семинарій и Академій еврейскимъ и греческимъ языками, такъ какъ отъ хорошаго знанія послѣднихъ стоитъ въ прямой и непосредственной зависимости серьезное научное знакомство съ первыми“ (Труды Киевской дух. Академіи, 1877, стр. 243—244). Одно изъ этихъ пожеланій автора,—разумѣемъ общеобязательность изученія еврейскаго языка въ духовныхъ Академіяхъ,—какъ извѣстно, осуществилось.

Повторивши, далѣе, раньше высказанную имъ мысль на страницахъ „Православнаго Обзорѣнія“ о недостаткѣ у насъ научнаго руководства по изученію книгъ Св. Писанія, авторъ говоритъ: „намъ хотѣлось бы представить опытъ такого введенія въ новозавѣтныя книги, которое съ критическимъ изложеніемъ свѣдѣній, къ нимъ относящихся, соединило бы въ себѣ цѣлостное и систематическое обзорѣніе ихъ содержанія, которое въ своихъ окончательныхъ выводахъ давало бы отчетливые отвѣты на тѣ вопросы, которые поставлены современною наукою касательно книгъ, входящихъ въ составъ Новаго Завѣта“ (стр. 246). Можно пожалѣть, что покойный профессоръ, такъ правильно опредѣлившій задачу научнаго введенія въ священныя книги, положилъ только начало этому полезному труду: его напечатанныя лекціи по Новому Завѣту заканчиваются критическимъ анализомъ свидѣтельства Папія Герапольскаго о второмъ Евангеліи.

фессоръ, говорилось: „критика разныхъ библіографическихъ свѣдѣній, особенно возраженія отрицательной библейской критики, могутъ быть излагаемы только въ послѣднихъ трехъ классахъ, также не въ обширномъ видѣ и съ основательнымъ защищеніемъ истины“.

Въ напечатанныхъ лекціяхъ наиболѣе обращаетъ вниманіе то, что говорится о составѣ или построеніи научнаго введенія въ священныя новозавѣтныя книги. Задачею послѣдняго должно быть, съ одной стороны—утвержденіе церковнаго историческаго преданія о священныхъ новозавѣтныхъ книгахъ (исторія происхожденія новозавѣтныхъ книгъ, исторія канона и исторія текста), съ другой—обозрѣніе содержанія этихъ книгъ. Такимъ образомъ, авторъ проектируетъ, какъ особую часть введенія, обозрѣніе содержанія новозавѣтныхъ писаній, и въ этомъ безспорная его оригинальность, ибо введенія на западѣ такъ не строятся; обыкновенно же относимую къ введенію исторію толкованія священныхъ книгъ авторъ исключаетъ, ибо „исторія экзегетики относится уже къ употребленію библейской письменности, но не къ уясненію ея существенныхъ и характеристическихъ принадлежностей“ (стр. 250). Такъ какъ священныя книги совершенно отличаются, по своему характеру, отъ произведеній обыкновенной человѣческой письменности, то введеніе не можетъ быть ни составной частью всеобщей литературы, ни критическою исторіею библейской письменности; при выдѣленіи въ немъ въ особую часть обозрѣнія содержанія священныхъ книгъ, понятно, что основнымъ началомъ, объединяющимъ свѣдѣнія о новозавѣтной письменности, должно быть начало не только историческое, но и историко-догматическое. Въ такомъ духѣ и направленіи покойный профессоръ строилъ тогда свое введеніе, изъ котораго напечатанъ только отдѣлъ о происхожденіи Евангелій Матвея и Марка.

Время съ 1876 по 1878 г. было временемъ наиболѣе горячей учено-литературной дѣятельности С. М. Сольскаго. Въ томъ же 1878 г., къ которому относится его вторая статья „Изъ лекцій по Новому Завѣту“, появились двѣ его рѣчи: „Объ участіи Императора Александра Перваго

въ изданіи Библии на русскомъ языкѣ“¹⁾),—рѣчь, произнесенная въ собраніи въ день столѣтней годовщины рожденія Императора Александра I, и „О библейскомъ міросозерцаніи въ жизни древне-русскаго народа“²⁾),—рѣчь, сказанная въ торжественномъ собраніи Киевской духовной Академіи 28 сентября 1878 г.

Первая рѣчь тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ прежней работѣ: „Обозрѣніе трудовъ по изученію Библии въ Россіи съ XV в. до настоящаго времени“. Въ ней, послѣ предварительныхъ свѣдѣній о происхожденіи библейскаго общества на западѣ и у насъ въ Россіи, дается отвѣтъ на слѣдующіе четыре вопроса: „1) для какой цѣли предназначалъ его (т. е. русскій переводъ Библии) самъ Императоръ; 2) въ комъ онъ нашелъ исполнителей своей воли; 3) встрѣтило ли его предпріятіе сочувствіе и поддержку въ современномъ русскомъ обществѣ и 4) что имѣло вліяніе на долгое неприведеніе въ исполненіе его намѣренія“ (стран. оттиска 7). Прекрасно доказывается, что дѣло перевода Библии на русскій языкъ было совершенно согласно съ духомъ восточной Церкви, которая всегда старалась приблизить слово Божіе къ пониманію народа и тѣмъ давала „жизненное религиозное развитіе народамъ, воспринимающимъ ея вѣру“. Поэтому предпринимаемый переводъ встрѣтилъ самое горячее сочувствіе во всѣхъ сословіяхъ русскаго общества. Нѣкоторые высшіе образованные іерархи писали: „сей новый даръ милосердія Божія (изданіе Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ), подаваемый любезному отечеству нашему, всѣми благомыслящими съ нетерпѣніемъ ожидаемый, безъ сомнѣнія всѣми принятъ будетъ съ усердіемъ и благоговѣніемъ“; нѣкоторые же устно съ великою искренностью заявляли: „если

¹⁾ Труды Киевской духовной Академіи, 1878, кн. I, стран. 172—196.

²⁾ Труды, 1878, кн. 11, стран. 201—237.

бы только мнѣ удалось держать въ рукахъ полный переводъ Св. Писанія на родномъ языкѣ, то я, какъ нѣкогда Симеонъ, держа въ рукахъ благословенный предметъ ихъ свидѣтельства, подобно ему сказать бы: Господи, нынѣ отпускаешь, Ты, раба Своего съ миромъ, потому что глаза мои видѣли Твое спасеніе“ (стр. 17). Что дѣло перевода было на долгое время приостановлено, вина не духовенства и не общества, а причина въ томъ, что подъ фирмою библейскаго общества многіе, какъ извѣстно, начали распространять всякія вредныя идеи, предосудительныя книги и брошюры, и такимъ образомъ явились факты, компрометирующіе въ глазахъ многихъ библейское общество. По устраненіи этихъ случайныхъ обстоятельствъ, ничего общаго не имѣющихъ съ первоначальными стремленіями библейскаго общества, завѣтное желаніе Императора Александра I должно было осуществиться и дѣйствительно осуществилось.

Поставивши въ только что указанной рѣчи такъ ясно на видъ, что переводъ Св. Писанія на русскій языкъ предназначался главнымъ образомъ для народнаго употребленія, ибо Библія, съ самаго перваго времени христіанства на Руси, была основою народнаго воспитанія и образованія, покойный профессоръ избираетъ затѣмъ спеціальнымъ предметомъ своей актовой академической рѣчи, произнесенной въ томъ же году, слѣдующую тему: „О библейскомъ міросозерцаніи въ жизни древне-русскаго народа“. „Подъ библейскимъ міросозерцаніемъ—говоритъ онъ—мы разумѣемъ то библейское ученіе о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ и конечномъ назначеніи послѣдняго, которое, съ сопровождающими его объясненіями, касаясь сознанія человѣка и народа и дѣлаясь его собственностью, даетъ направленіе его мысли, опредѣляетъ его складъ жизни и кладетъ извѣстную печать на все его общественное, семейное и частное развитіе“. Вопреки г. Щапову и другимъ, утверждавшимъ, что „византійскій супранатурализмъ“ задержалъ естественный ростъ нашего народа, не вліялъ на его жиз-

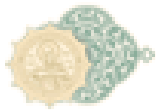
неннымъ образомъ, со всею силою доказывается, что русскій народъ съ самаго же начала искренно старался усвоить христіанское міровоззрѣніе, но усваивать его, какъ и естественно ожидать, подъ образами и натуральными символами оставленной имъ старины; при несомнѣнномъ смѣшеніи въ народной легендарной поэзіи элементовъ христіанскихъ съ языческими, можно указать не мало и такихъ народныхъ поэтическихъ опытовъ, гдѣ библейскія истины воспроизведены чисто, безпримѣсно. На древне-русскомъ пониманіи христіанства сказалась отличительная особенность, свойственная вообще славянскимъ племенамъ, именно стремленіе къ пластическому символизму, который всегда болѣе цѣнился славяниномъ, чѣмъ чисто отвлеченное, абстрактное выраженіе мысли. Если догматическія истины съ трудомъ на первыхъ порахъ усваивались древне-русскимъ народомъ, то высоту нравственнаго христіанскаго идеала русскій человѣкъ сразу почувствовалъ всею душою, хотя и въ выраженіи нравственныхъ истинъ онъ не могъ отрѣшиться отъ того же свойственнаго ему пластическаго символизма, привлекая его собственно для того, чтобы нравственную истину сдѣлать болѣе очевидною и убѣдительною. Авторъ анализируетъ различныя формы народнаго творчества и отмѣчаетъ въ нихъ высокіе истинно-христіанскіе элементы.

Съ 1879 г. учено-литературная дѣятельность С. М. Сольскаго значительно сокращается. Къ этому времени относятся прежде всего работы, въ которыхъ покойный профессоръ расширяетъ и углубляетъ раньше имъ сказанное. Таковы двѣ его статьи: „*Острожская Библія въ связи съ цѣлями и видами ея издателя*“ ¹⁾ и „*Каковъ можетъ быть составъ научныхъ введеній въ книги Св. Писанія въ настоящее время?*“ ²⁾.

¹⁾ Труды Кіевской духовной Академіи, 1884, кн. 6, стран. 293—320.

²⁾ Труды, 1887, кн. 3, стран. 358—376.

Первая статья написана по случаю исполнившагося 4 декабря 1883 г. трехсотлѣтія со дня смерти русскаго первопечатника Ивана Оеодорова, имя котораго тѣснѣйшимъ образомъ связано съ изданіемъ Острожской Библіи и который самъ приложилъ къ этой Библіи такую подпись: „напечатана бысть сія книга, глаголемая Библія, еже есть Ветхій и Новый Завѣтъ, въ богоспасаемомъ градѣ его отчизномъ Острогѣ многорѣшнымъ и недостойнымъ рабомъ Иваномъ Оеодоровымъ москвитинимъ въ лѣто отъ созданія міру...“. Въ статьѣ дается отвѣтъ на два вопроса, именно о цѣли изданія Острожской Библіи и объ участіи въ этомъ дѣлѣ Ивана Оеодорова. Въ виду заподозрѣванія нѣкоторыми преданности православію Константина Острожскаго авторъ доказываетъ, на основаніи главнымъ образомъ предисловія къ Острожской Библіи, внимательно сопоставляемаго съ свидѣтельствами о тогдашнемъ состояніи православія въ юго-западномъ краѣ, что цѣль, которою руководился князь при изданіи Библіи, было желаніе дать ревнителямъ православія вѣрнѣйшее оружіе для борьбы съ „нещадными волками“, подъ которыми разумѣются не католики, а послѣдователи Лютера, Кальвина, Цвингли, преимущественно же социніане, пропагандирующіе тогда свое ученіе и находившіе послѣдователей среди православныхъ юго-западнаго края. Мнѣніе о симпатіяхъ князя Острожскаго къ протестантству не имѣетъ для себя никакой опоры. Во второй періодъ своей дѣятельности (1590—1607)) Константинъ Острожскій дѣйствительно входилъ въ сближеніе съ протестантами, но это онъ дѣлалъ въ цѣляхъ предполагаемой имъ болѣе вѣрной охраны Церкви православной,—чтобы соединенными съ протестантами силами дать болѣе рѣшительный отпоръ искусному въ борьбѣ врагу—католицизму. Авторъ вообще горяче защищаетъ православіе князя Острожскаго, указывая много данныхъ въ подтвержденіе того, что послѣдній никогда не жертвовалъ своими убѣжденіями, не измѣнялъ интересамъ вѣры и Церк-

ви.—Объ участиі Ивана Ѳеодорова въ изданіи Острожской Библии говорится кратко, потому что относящіеся сюда свідѣтельства весьма скудныя. По всей вѣроятности князь Острожскій пригласилъ не иного кого, а именно московскаго перво-печатника по той причинѣ, что, обладая библейскимъ спискомъ, присланнымъ ему Іоанномъ Васильевичемъ IV и бывшимъ слѣдовательно въ употребленіи въ сѣверно-русскихъ областяхъ, онъ желалъ дать православному населенію юго-западнаго края текстъ Библии на обще-славянскомъ нарѣчій. Прибытіе Ивана Ѳеодорова въ г. Острогъ относится къ 1579 г., какъ можно судить на основаніи одной записи Львовскаго земскаго архива, гдѣ говорится, что въ 1579 г. Иванъ Ѳеодоровъ приходилъ во Львовъ „уже какъ слуга Константина Острожскаго, слѣдовательно до этого времени онъ успѣлъ уже условиться съ княземъ касательно устройства типографіи въ г. Острогъ“.

Въ статьѣ „Какое можетъ быть составъ научныхъ введеній въ книги Св. Писанія въ настоящее время“ проводится мысль, что введеніе непременно должно имѣть теперь научно-критическій характеръ, т. е. оно не можетъ игнорировать взглядовъ отрицательной критики на библейскую письменность, ибо только тогда оно будетъ соответствовать современнымъ потребностямъ и служить противодействіемъ такъ усилившемуся раціонализму, начинающему проникать и въ нашу свѣтскую литературу. Ясно, какихъ враговъ христіанства разумѣтъ авторъ, когда пишетъ. „Въ послѣднее время нѣкоторые изъ лучшихъ представителей нашей свѣтской литературы, ознакомившись съ ученіемъ Библии по лучшимъ раціоналистическимъ западнымъ изслѣдованіямъ съ примѣсю своего своеобразнаго богословія, готовы стать руководителями и учителями народа въ духъ своеобразно понятаго ученія Христова. Въ своемъ стремленіи учить и назидать читающую публику, согласно выработанному взгляду на библейское ученіе, они не считаютъ грѣхомъ и преступ-

леніемъ посягать на неприкосновенность священнаго евангельскаго текста, видоизмѣнять и реставрировать его, согласно личному представленію, руководясь въ этомъ случаѣ смѣлостью предприимчивыхъ западныхъ критиковъ. Составленные въ такомъ духѣ и направленіи сочиненія они пока обнародываютъ на иностранныхъ языкахъ; но скрытымъ образомъ они распространяются въ переводахъ среди всей читающей публики“. „Для противодѣйствія—продолжаетъ авторъ—усвоенію такихъ неправыхъ доктринъ самый твердый и надежный оплотъ, помимо журнальныхъ монографій, могли бы составить строго научныя бібліологическія руководства, разоблачающія неосновательность пріемовъ отрицательной критики, шаткость и неустойчивость ея взглядовъ какъ вообще по рѣшенію бібліологическихъ вопросовъ, такъ и въ частности касательно библейскаго текста, его цѣлости, неповрежденности, святости и чистоты его ученія“ (стр. 359—360). Исторія введенія, какъ науки, ясно показываетъ, что его построеніе много зависѣло отъ нуждъ и потребностей времени, новыхъ научныхъ запросовъ. „Опасеніе, что критическое изученіе книгъ Св. Писанія можетъ быть совершаемо только въ ущербъ знакомства съ ихъ положительною стороною, едва-ли основательно; сознательное усвоеніе ихъ положительной стороны можетъ быть достигаемо только при основательномъ научномъ разборѣ существующихъ отрицательныхъ взглядовъ на нее“. Самый составъ научнаго введенія авторъ опредѣляетъ здѣсь нѣсколько иначе, чѣмъ прежде, именно намѣчаетъ только три части введенія: 1) происхожденіе и содержаніе каждой библейской книги; 2) исторія священнаго канона и 3) исторія священнаго текста (стр. 375—376).

Какъ бы отголоски въ высшей степени симпатичныхъ взглядовъ, находимыхъ въ рѣчи „О библейскомъ міросозерцаніи въ жизни древне-русскаго народа“, слышатся намъ въ статьяхъ покойнаго профессора, имѣвшихъ непосредственно

жизненный интересъ: „По поводу Высочайше утвержден-
ныхъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ“¹⁾ и
„Церковно-приходская школа“²⁾. Такъ какъ міросозерца-
ніе нашего народа покоится преимущественно на Библіи, то
и самую лучшую школу для него является типъ церков-
наго училища, которое и въ прошломъ народа имѣло такое
великое значеніе“. Народъ нашъ больше питаетъ сочувствія
къ такой школѣ, которая ближе стоитъ къ Церкви, обу-
чаетъ его дѣтей церковной грамотѣ и церковному пѣнію,
дѣлаетъ ихъ способными къ участию въ церковныхъ бого-
служеніяхъ... Онъ болѣе склоненъ поддерживать такую школу,
которая не разрываетъ связи между нимъ и обучаемымъ имъ
поколѣніемъ, готовитъ его дѣтей быть опытными помощни-
ками и пособниками въ его нелегкихъ занятіяхъ, поддержи-
ваетъ въ нихъ преданность къ добрымъ навыкамъ и обы-
чаямъ воспитаннымъ вѣками... Нашъ народъ прежде всего
въ школѣ желалъ бы найти удовлетвореніе своихъ религіозно-
нравственныхъ потребностей“. (По поводу Высочайше ут-
вержденныхъ правилъ, стран. 555—556). Авторъ безпри-
страстно излагаетъ прошлое нашей церковной школы, защи-
щаетъ ее отъ тѣхъ нападокъ, какія слышатся противъ нея въ
свѣтской печати, обсуждаетъ мѣры къ ея поднятію и т. п.

Покойному профессору принадлежитъ также много кри-
тико-библіографическихъ замѣтокъ, написанныхъ имъ въ раз-
сматриваемое нами время. Въ „Трудахъ Киевской духовной
Академіи“ напечатаны отзывы его о слѣдующихъ сочи-
неніяхъ:

Пророкъ Даниилъ и Апокалипсисъ св. Іоанна. Сочиненіе Оберлена. Переводъ прот. А. Романова, Тула, 1882.

¹⁾ Труды Киевской духовной Академіи, 1885, кн. 4, стран. 547—565.

²⁾ Труды, 1886, кн. 9, стран. 146—162.

Руководственное пособие къ пониманію Псалтири. Составилъ преподаватель Кіевской духовной Семинаріи свящ. Х. Орда, Кіевъ, 1882 ¹⁾.

Жизнь Господа нашего Иисуса Христа. Опытъ историко-критическаго изложенія евангельской исторіи съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою новѣйшаго времени. Свящ. Т. Будкевичъ, Москва, 1883.

Материализмъ, наука и христіанство. Сборникъ сочиненій современныхъ писателей XIX. Жизнь Иисуса Христа. Сочиненіе Эдмонда Прессансе, перев. съ французскаго, ч. 2, С.-Петербургъ, 1883 ²⁾.

Руководство къ изяснительному чтенію Четвероевангелія и Дѣяній Апостольскихъ А. Иванова, Кіевъ, 1886.

Учебное руководство къ толковому чтенію Четвероевангелія и кн. Дѣяній Апостольскихъ Д. Боголюбова. Изд. 2 исправленное и дополненное. Москва, 1886.

Толковое Евангеліе отъ Матвѣя, составленное по древнимъ свято-отеческимъ толкованіямъ Евѡміемъ Зигабеномъ. Переводъ съ греческаго. Кіевъ, 1886. ³⁾.

Жизнь и труды св. Апостола Павла. Ф. В. Фарраръ. Съ англійскаго переводъ Ѳ. М. Матвѣева. Т. I и II. Москва, 1887 ⁴⁾.

Наибольшую полноту и обстоятельностью отличается отзывъ о сочиненіи о. протоіерея Т. Будкевича. Здѣсь покойный профессоръ прекрасно разъясняетъ, какая существенная перемѣна произошла въ нѣкоторыхъ взглядахъ новѣйшей западной критики на Евангеліе и евангельскую исторію сравнительно съ возраженіями старой рачіоналистической

¹⁾ Труды, 1883, кн. 6, стран. 356—368.

²⁾ Труды, 1884, кн. 12, стран. 539—558.

³⁾ Труды, 1886, кн. 12, стран. 713—724.

⁴⁾ Труды, 1887, кн. 1, стран. 140—152.

школы, и какъ сообразно этому должны измѣниться и научныя приемы апологетовъ христіанства. О. протоіерей Т. Будкевичъ не обратилъ вниманія на новѣйшую западную раціоналистическую литературу, и отсюда произошло, что онъ часто борется съ тѣмъ и опровергаетъ то, что давно уже потеряло кредитъ въ самой западной отрицательной критикѣ ¹⁾. Придавая труду о. Будкевича серьезное значеніе, какъ первому въ нашей литературѣ опыту научнаго и цѣлостнаго изображенія жизни Христа Спасителя, авторъ замѣтки видитъ главнѣйшій недостатокъ этого труда въ его планѣ, преимущественно въ томъ, что общественное служеніе Господа изложено не въ хронологическо-последовательномъ видѣ, а по чисто абстрактнымъ рубрикамъ, вслѣдствіе чего евангельскія событія, „лишенные исторической почвы, теряютъ... тотъ обликъ, какой они имѣютъ въ жизненномъ последовательномъ теченіи“ (стр. 546).—О трудахъ Ф. Фаррара (имѣется въ виду въ замѣткѣ и его „Жизнь Іисуса Христа“) справедливо замѣчено, что англійскій богословъ не подражаемъ, какъ художникъ, мастерскою кистью очерчивающій лица, событія и мѣста ихъ дѣйствія, но въ его воззрѣніяхъ часто встрѣчается какое то странное смѣшеніе элемента ортодоксальнаго и раціоналистическаго, особенно въ пониманіи чудесъ. Трудъ Оберлена „скорѣе принадлежитъ къ популярнымъ, чѣмъ къ строго научнымъ изслѣдованіямъ; авторъ болѣе размышляетъ по поводу таинственныхъ пророческихъ видѣній и поучаетъ благочестивыхъ слушателей, чѣмъ преслѣдуетъ строго научныя выводы“ (стр. 365); существенный недостатокъ сочиненія составляютъ хилиастическія воззрѣнія Оберлена. Изъ указанныхъ двухъ руководствъ къ чтенію Четвероевангелія и книги Дѣяній Апостольскихъ покойный профессоръ ста-

¹⁾ Нужно сказать, что во второмъ изданіи своего сочиненія (С.-Петербургъ, 1887) о. Т. Будкевичъ нѣсколько устранилъ этотъ недостатокъ.

вить выше руководство А. Иванова, такъ какъ „авторъ имѣетъ въ виду не уяснить только извѣстное мѣсто, или передать точный смыслъ извѣстнаго повѣствованія, но установить на него опредѣленный взглядъ въ противоположность существующимъ неправымъ взглядамъ и представить для него основы или въ самомъ текстѣ, или въ ходѣ евангельской исторіи“ (стр. 721); въ экзегетикѣ, впрочемъ, преимуществомъ г. Боготъповъ. — Всѣ критико-библиографическія замѣтки покойнаго профессора написаны въ спокойномъ, строго объективномъ тонѣ.

Таковы важнѣйшіе учено-литературные труды покойнаго С. М. Сольскаго ¹⁾. Сравнительно они не многочисленны, но въ нашей наукѣ весьма плодотворны и долго не теряютъ своего научнаго интереса. Двѣ характеристическія черты отмѣчаютъ учено-литературную дѣятельность покойнаго профессора: во-первыхъ, онъ работалъ послѣдовательно, систематически, такъ что одинъ трудъ его тѣсно примыкаетъ къ другому, хотя нѣкоторые изъ нихъ оставлены неоконченными; во-вторыхъ, предметомъ своихъ работъ онъ избиралъ вопросы характера общаго, принципіальнаго, рѣшеніе которыхъ бросаетъ свѣтъ на огромную область въ наукѣ, и въ своихъ работахъ всегда строго примѣнялся къ современнымъ научнымъ задачамъ и требованіямъ жизни.

Наша замѣтка была бы совершенно не полною, если бы мы не упомянули о церковныхъ словахъ, принадлежащихъ

¹⁾ Покойный профессоръ напечаталъ много небольшихъ популярныхъ статей въ „Воскресномъ Читаніи“ и въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“. Укажемъ слѣдующія: „Апостолы и ихъ вѣра послѣ явленія имъ воскресшаго Господа“ (Воскресное Чтеніе, 1880, № 16), „Св. Іоаннъ Богословъ“ (Тамъ же, 1880, № 39), „Рождество Христа Спасителя“ (Тамъ же, 1880 № 51), „Крещеніе Господа“ (1881, № 1), „Неразумное поруганіе святыни“ (1881, № 6), „Печальный недугъ нашего времени“ (1882, № 50), „Св. Апостолы Петръ и Павелъ“ (1883, № 27).

покойному профессору. Такихъ словъ существуетъ болѣе двадцати, и всѣ они были произнесены по большей части во вторую, или третью недѣлю великаго поста, при воспоминаніи страстей Христовыхъ. Укажемъ предметы нѣкоторыхъ изъ нихъ: „Объ источникѣ нравственныхъ недуговъ нашего времени“ ¹⁾, „О силѣ слова крестнаго“ ²⁾, „О повиновеніи волѣ Божіей“ ³⁾, „О нравственномъ долгѣ“ ⁴⁾, „О почитаніи креста Христова“ ⁵⁾, „О любви христіанской“ ⁶⁾, „О величіи слова крестнаго“ ⁷⁾, „О вѣрѣ, какъ основаніи общественнаго благоустройства и врачевствѣ противъ общественныхъ недуговъ“ ⁸⁾, „О покаяніи“ ⁹⁾, „О призваніи женщины“ ¹⁰⁾, „Противъ легкомысленнаго увлеченія чужими мнѣніями“ ¹¹⁾.

Въ своихъ церковныхъ словахъ, какъ и въ научныхъ работахъ, покойный профессоръ всегда имѣлъ въ виду нужды и потребности времени; каждое его слово дышетъ жизнью и движеніемъ. Любимою его темою былъ вопросъ: гдѣ найти спасеніе отъ золъ, постигающихъ насъ, и на этотъ вопросъ дается отвѣтъ, что исцѣленія недуговъ нужно искать не въ улучшеніи экономическихъ и промышленныхъ условій, не въ обогащеніи естественно-научными свѣдѣніями, дающими намъ возможность побѣждать природу, тѣмъ болѣе не въ современныхъ модныхъ идеяхъ о равенствѣ и свободѣ, а въ усвоеніи животворныхъ началъ ученія Христова, въ жизни согласно любви Христовой, въ воспитаніи внутрення-

¹⁾ Труды, 1885, кн. 4, стран. 457—467.

²⁾ Труды, 1887, кн. 4, стран. 523—533.

³⁾ Труды, 1888, кн. 5, стран. 45—52.

⁴⁾ Труды, 1889, кн. 4, стран. 541—549.

⁵⁾ Труды, 1892, кн. 4, 537—545.

⁶⁾ Труды, 1894, кн. 4, 554—562.

⁷⁾ Тамъ же, 1895, кн. 4, 509—516.

⁸⁾ Воскресное Чтеніе, 1880, № 13.

⁹⁾ Тамъ же, 1882, № 10.

¹⁰⁾ Тамъ же, 1883, № 14.

¹¹⁾ Тамъ же, 1879, № 10.

го человека¹⁾. „Нравственный долгъ долженъ стоять выше всего на свѣтѣ“²⁾. Съ великою грустью проповѣдникъ отмѣчаетъ такія явленія. „Насъ поражаетъ гнетущее и растущее среди насъ зло... Мы переживаемъ кризисъ тяжелаго... умственного расслабленія. Среди насъ раздаются жалобы на оскудѣніе людей съ твердыми убѣжденіями, съ ясно установившимися взглядами на непреложность руководительныхъ истинъ... Старое потеряло всякую цѣну, а въ новомъ не нашли того, чего искали. Раздвоенность во взглядахъ, колеблемость во мнѣніяхъ относительно всего того, что... считали прежде святымъ и неприкосновеннымъ, сдѣлались достояніемъ многихъ“³⁾. И мысль проповѣдника часто переносится отъ этого печальнаго настоящаго къ древней Руси, къ древнерусскому народу, къ священнымъ преданіямъ, завѣщаннымъ намъ отцами⁴⁾.

Въ нѣкоторыхъ своихъ словахъ проповѣдникъ прямо ставитъ вопросъ: гдѣ мощь, сила и крѣпость нашего духа? и отвѣчаетъ: „въ охранѣ и защитѣ тѣхъ самыхъ священныхъ завѣтныхъ началъ, которыя исторія положила въ основу нашего общественнаго развитія, въ храненіи тѣхъ завѣтовъ предковъ, которые они оставили намъ въ наслѣдіе, въ уваженіи и унаслѣдованіи тѣхъ нравственныхъ доблестей, которыми они украшали свою жизнь“⁵⁾; „находясь на рубежѣ тысячелѣтняго періода нашего развитія, сознаемъ, что какъ подъ благотворными лучами свѣта Христова ученія началось наше нравственно-духовное и общественное разви-

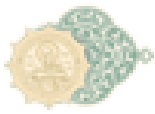
1) Труды 1887, стран. 530, 531; 1888 кн. 5, 47—48; 1889, стран. 546; 1895, стран. 510.

2) Труды, 1888, стран. 51.

3) Тамъ же, стран. 46, 47; ср. 1889, стран. 542; 1892, стран. 543, 544.

4) Труды, 1889, стран. 545.

5) Воскресное Чтеніе, 1881, № 12; въ отдѣльномъ отискѣ стран. 9.

тіе, такъ и при согрѣваніи только этими лучами можетъ расти и крѣпнуть; отъ согрѣванія этихъ лучей и проникновенія ихъ внутрь насъ зависитъ наша крѣпость, сила и величіе“ ²⁾).

Каждое слово написано по простому, совершенно естественному плану; не обилуетъ буквальнымъ приведеніемъ текстовъ Писанія, но мысль часто получаетъ истинно-библейскую форму выраженія. Нѣкоторыя изъ словъ имѣютъ немаловажное значеніе и для экзегета, напр., слова о крестѣ Христовомъ.

Д. Богданевскій.

²⁾ Труды, 1885, стран. 466, 467; ср. 1895, стран. 515.

